

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 17-го августа 1903 года.

Иванъ Семеновичъ Поляковъ.

(1847—1887).

Зоологъ и археологъ И. С. Поляковъ былъ уроженецъ Сибири. Его отецъ былъ простой забайкальской казацк; родился онъ въ одной изъ казачьихъ станицъ, расположенныхъ въ долине р. Джиды, къ з. отъ Троицко-Савска. Выученный первоначальной грамотѣ въ казачьей школѣ, Поляковъ былъ отосланъ казачьимъ начальствомъ въ Иркутскъ для дальнѣйшаго обученія въ военномъ училищѣ. Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія были уничтожены кантонистскія школы, которыя поставляли въ армію писарей, фельдшеровъ и пр., народныхъ же школъ почти не было, армія пополнялась одними неграмотными, и потому осталась безъ писарей; для удовлетворенія этой нужды и были основаны военные училища; въ Сибири было открыто два такихъ училища, одно въ Омскѣ, другое въ Иркутскѣ. Вотъ въ это-то училище и поступилъ Поляковъ. Инспекторомъ этого училища въ то время былъ А. В. Загоскинъ. Горячій поборникъ просвѣщенія М. В. Загоскинъ принималъ самое деятельное участіе въ разныхъ просвѣдительныхъ предпріятіяхъ въ Иркутскѣ и молодые люди, стремившіеся къ свѣту, находили въ немъ всегда опору. Замѣтивъ выдающія способности поступившаго въ военное училище казачьяго мальчика, Загоскинъ сталъ поддерживать пробудившійся въ немъ интересъ къ знанію, и когда казачій мальчикъ кончалъ курсъ, его уже можно было назвать чудомъ училища, въ которомъ онъ учился; настолько онъ отличался отъ товарищей по школѣ своими интересами. Духъ юноши отличался такой самодеятельностью, что вскорѣ по выходѣ изъ школы онъ уже приготовилъ изъ себя коллектора по флорѣ и фаунѣ; онъ бродилъ по окрестностямъ Иркутска, стрѣлялъ птицъ, набивалъ чучела, заспиртовывалъ змѣй*). Загоскинъ, который былъ секретаремъ Сибирскаго Отдѣла Географическаго общества, могъ предугадывать въ Поляковѣ будущаго неутомимаго сотрудника Отдѣла, чѣмъ тотъ действительно вскорѣ и сдѣлался. Въ это время въ Иркутскъ пріѣхалъ служить офицеръ генеральнаго штаба кн. Крапоткинъ, человѣкъ съ хорошимъ образованіемъ и прекрасныхъ качествъ души. Въ теченіи всего пребыванія въ восточной Сибири кн. Крапоткинъ отдавался ученымъ занятіямъ, онъ изучалъ научную литературу о краѣ и путешествовалъ по нему, при чемъ бралъ иногда Полякова въ спутники себѣ. Такъ кн. Крапоткинъ взялъ его въ экспедицію на Витимъ, снаряженную Географическимъ Отдѣломъ; самъ Крапоткинъ занимался общими физико-географическими наблюденіями, а на Полякова было возложено собраніе растений и фаунистическихъ коллекцій. Поляковъ не только собралъ, но оказался настолько подготовленнымъ, что могъ самъ описать собранныхъ имъ животныхъ. Въ этой экспедиціи онъ выказалъ себя настолько способнымъ къ работѣ, что на слѣдующей разѣ Отдѣлъ послалъ его въ самостоятельную поѣздку въ вершины р. Джиды. Отчетъ, представленный Поляковымъ Отдѣлу, обнаружилъ его способность отчетливо изображать наблюдаемая картины и явленія и ясно излагать свои мысли. Въ немъ былъ виднѣ ученикъ кн. Крапоткина, превосходнаго физико-географа. Конечно, имѣть одного учителя было мало; чтобы пройти правильную школу, нужно было отправиться въ какой-нибудь университетъ. Покровители устроили ему поѣздку въ Петербургъ, гдѣ онъ и сталъ слушать лекціи, отдавая свое вниманіе преимуще-

ственно зоологіи. Окончивъ курсъ, онъ почему-то не могъ сдать экзаменъ въ Петербургскомъ университетѣ и сдалъ его въ Харьковскомъ, послѣ чего былъ сдѣланъ консерваторомъ музея академіи наукъ; ему были поручены отдѣлы шкуръ млекопитающихъ животныхъ. Здѣсь онъ работалъ надъ фаунистическими коллекціями рядомъ съ зоологами М. Н. Богдановымъ и А. А. Штраухомъ, руководствуясь ихъ совѣтами. Въ то же время онъ совершалъ многочисленные поѣздки по порученію центрального географическаго общества, а также и академіи наукъ.

Первая его поѣздка въ предѣлахъ европейской Россіи совершена въ Олонешскую губ. въ 1871 г. Въ отчетѣ объ этой поѣздкѣ онъ набросалъ картину контраста между обильной животной жизнью побережій рѣкъ и пустыней волоковъ или водораждьловъ, гдѣ бродятъ только крупные звѣри: лоси, олени и медвѣди. Роющее дѣйствіе ручьевъ и рѣкъ дренируетъ край, осушаетъ почву

Въ 1876 году П. С. Поляковъ совершилъ поѣздку въ низовья р. Оби. Эту поѣздку придумали для него сибиряки, которымъ хотѣлось привлечь своего земляка къ работамъ для родины. Они строили планъ приурочить молодого ученаго къ изученію нуждъ рыбопромышленности на сѣверѣ Сибири вообще; они надѣялись, что Полякова пошлютъ въ Норвегію изучить тамъ морскіе промыслы и потомъ назначатъ инструкторомъ по рыболовству въ сѣверную Сибирь. Въ этихъ видахъ былъ возбужденъ въ канцеляріи западно-сибирскаго генералъ-губернатора Казанкова вопросъ объ изслѣдованіи рыбныхъ промысловъ на Оби и Поляковъ былъ рекомендованъ, какъ ученый, способный выполнить это порученіе. Казанковъ вошелъ съ просьбой въ академію наукъ и общалъ свое содѣйствіе, которое потомъ выразилось въ денежной помощи Полякову, оказанной тюменскими и тобольскими кушачами. Изъ этой поѣздки, крошѣ отчета, заключающаго интересныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ на пескахъ на Оби, Поляковъ вывезъ большую коллекцію рыбъ; особенно онъ старался исчерпать матеріалъ относительно сига; онъ хотѣлъ написать монографію о сигахъ, и представить ее въ университетъ въ качествѣ диссертации на магистра. Однако, работа о сигахъ оказалась сложной, требовала бы большаго времени, а обстоятельство требовали скорѣйшаго обзаведенія дипломомъ; поэтому сига оставлены и замѣнены другимъ отрядомъ тоже изъ сибирской фауны; выборъ его остановился на полевкахъ. Полевками называется тотъ родъ мышей (*Arvicola*), виды котораго устриваютъ въ землѣ магазины, наполненные луковицами и съдобными корнями. Съ полевками Поляковъ познакомился еще на родинѣ въ Забайкаліи; тамъ даже существуетъ промыселъ, люди выбираютъ для собственного употребленія запасы изъ мышиныхъ магазиновъ; это называется „урганачить“, отъ буртскаго слова „ургенъ“, такъ бурты называютъ мышиные запасы. Поляковъ защитилъ диссертацию и получилъ званіе магистра.

Иванъ Семеновичъ Поляковъ.

и создаетъ на берегахъ рѣкъ богатую жизнь; набросанная путешественникомъ по олонешскому краю картина даетъ возможность читателю проникнуть въ прошлое природы и въ будущее, она даетъ понятіе о направленіи, въ которомъ идетъ работа природы, водоизмѣняющая земную поверхность, и составъ и распредѣленіе фауны. Эта картина можетъ быть распространена и на вологодскую и архангельскую губерніи, словомъ на весь дѣсной сѣверъ Россіи, а также и на урманную область Сибири, и можетъ быть рекомендована, какъ центральная страница родинознанія для этой области, какъ одинъ изъ первыхъ уроковъ географіи. Въ олонешскомъ краѣ Поляковъ изучалъ фауну и остатки каменнаго вѣка. Онъ былъ превосходный наблюдатель правыхъ животныхъ, особенно птицъ (птицы, какъ парижане, ведутъ открытую, уличную жизнь, звѣри же замкнуты въ норкахъ и потому мало поддающіеся наблюденію человека); къ сожалѣнію, своими мастерскими разсказами о своихъ наблюденіяхъ на охотѣ онъ дѣлился только съ публикой, собиравшейся на засѣданія специальныхъ ученыхъ обществъ, но въ литературѣ не оставилъ памяти объ этомъ своемъ талантѣ.

Каменнымъ вѣкомъ Поляковъ началъ интересоваться чуть ли еще не въ Иркутскѣ, а впоследствии онъ удѣлялъ такъ много труда этой отрасли науки, что изъ него началъ выработываться авторитетъ по каменному вѣку въ Россіи. Вопросъ о современности человѣка съ мамонтомъ привелъ его къ занятіямъ остатками мамонта и академіи наукъ употребляла его для провѣрки получаемыхъ извѣстій о вновь открытыхъ костяхъ мамонта; съ этою цѣлью въ 1877 г. онъ ѣздилъ въ Маринскій уѣздъ Томской губ., въ 1879 г. въ Воронежскую губ.

Жизнь, казалось, улыбалась человѣку. Дружба съ академиками Штраухомъ и Шиндтомъ (ни одинъ еще русскій, кажется, не пользовался такой любовью, почти отеческой, у академиковъ иѣмцевъ, какъ Поляковъ), служба въ музеѣ среди такого богатства ученыхъ пособій, и въ видѣ книгъ и въ видѣ коллекцій, жизнь въ широкомъ потокѣ ученыхъ новостей, одна другой сенсационнѣе, притекающихъ изъ западной Европы, уваженіе въ передовыхъ рядахъ литературы (Поляковъ, хотя и рѣдко, откликался на вопросы русской общественной жизни, но тѣмъ не менѣе его политической образъ мыслей былъ хорошо извѣстенъ въ литературныхъ кругахъ)—какая необыкновенная карьера для казачьяго мальчика, родившагося за Байкаломъ на границѣ китайской имперіи. Но ученая карьера не спасла Полякова; неудачи въ жизни сердца надломили его и онъ умеръ преждевременно. Последние годы онъ болѣлъ и не могъ работать; на ученыхъ засѣданіяхъ его уже не было видно.

Въ концѣ болѣзни онъ былъ перевезенъ изъ квартиры академика Штрауха, у котораго онъ жилъ, въ Маринскую больницу, гдѣ и умеръ 5 апрѣля 1887 г., въ самый первый день Пасхи. До самой смерти онъ не представлялъ себѣ, что она такъ близка. Еще за нѣсколько дней до Пасхи онъ просилъ Штрауха прислать ему мундиръ; онъ надѣялся къ празднику выйти изъ больницы и хотѣлъ дѣлать визиты. Въ первый день праздника его навѣстили Штраухъ; Поляковъ весело началъ бесѣдовать съ нимъ, потомъ попросилъ академика ненадолго выйти изъ комнаты, а когда тотъ черезъ минуту вернулся, тѣло уже было бездыханно.

Хоронили Полякова въ пасмурный день; отъ Маринской больницы до Смоленскаго кладбища проходила еще небольшая толпа людей, большая часть которыхъ были сибиряки; изъ акаде-

*) Разсказъ о спонсѣ охотничьихъ похаживаній съ описаніемъ встрѣчъ и забавныхъ сценъ И. С. Поляковъ повѣствовалъ въ „Сборникъ историч. и статистич. свѣдѣній о Сибири“, который издавался въ Петербургѣ В. Милютинъ и Ф. Буссе. Крайъ того охотничьяго похода въ извѣстномъ журналѣ отрывки изъ романа, въ которомъ описанъ случай охоты перелетѣлъ съ иркутскими преданіями о декабристѣ.

никовъ быть, кажется, одинъ Штраухъ. Была одна аристократическая дама, въ салонѣ которой Поляковъ прежде часто бывалъ. На могилѣ Ядрищевъ сказала небольшую рѣчь; смыслъ рѣчи былъ такой: люди далекой окраины, другого климата, другого строя общественной жизни привлекаются блескомъ столичнаго свѣта на берега Невы и здѣсь однихъ изъ нихъ сражаетъ непривычный климатъ, другихъ столкновение съ непривычными правами общества.

Только и послужилъ Поляковъ своей родиной, пока ученый въ немъ былъ еще въ зачаточномъ состояннн; когда же онъ сформировался вполне, на родину вернулся только лентой съ надписями отъ вѣнковъ, отосланныхъ на берега родной ему Джиды.

Г. П.

По Манѣ.

Красноярцы не завидуютъ иркутянамъ, что у нихъ подъ бокомъ есть величественный Байкалъ и они могутъ устраивать занимательныя поѣздки до Мысовой; у красноярцевъ есть своя прелесть—рѣка Мана, прогулка по которой не усту-

привыкши плавать по Манѣ; онъ долженъ служить намъ проводникомъ. Въ числѣ дамъ было семь дѣвицъ, изъ которыхъ двѣ были не сибирячки, одна петербуржанка, другая москвичка.

По совѣту проводника, мы взяли съ собой провизнн на недѣлю: пшеничныхъ и ржаныхъ сухарей два пуда, окорокъ непеченный, потому что допеченный портится, два окорочка вяленой баранины, голландскій сыръ, соли 2—3 ф., крупы гречневой и просной 10—15 ф., чаю плиточнаго, сахару, тусокъ коровьяго масла. Изъ посуды взяли два котелка, одинъ для чая, другой для каши, деревянныя чашки и деревянныя ложки; палатки съ нами не было, о чемъ мы потомъ пожалѣли, но быть взяты брезентъ покрывать поклажу; безъ брезента обойтись невозможно. Молоко и рыба покупается дорогой по крестьянскимъ займамъ.

Издъ-подъ Красноярска мы отправились въ первыхъ числахъ юля. Мы сѣли въ вагонъ, когда лилъ страшный ливень. Въ тотъ же день, часовъ въ 11 утра, мы прѣехали на ст. Камарчакъ. Въ полутору верстахъ отъ Камарчака есть новосельская деревня; нашъ проводникъ сходилъ въ нее и возвратился съ проводниками, подряженными свезти насъ до старожильскаго села Шало въ 10 верст. отъ Камарчака. Въ тотъ же

дорогѣ, проложенной узкимъ начальствомъ, на которой въ это время дога и овраги были залиты разыгравшимися рѣчками, а по боковой дорожкѣ; тутъ намъ пришлось увидѣть не мало медвѣжьихъ слѣдовъ; по такой глухой тайгѣ проходить эта дорога. Дождь не унимался и мочилъ насъ все утро; дорога была грязная. Насъ поразила здѣсь масса цвѣтущихъ растений; въ тайгѣ травы зацвѣтають поздно, чѣмъ на Енисей; тѣ растения, которая мы видѣли въ деревнѣ Базаихѣ уже отцвѣтшими, здѣсь только что распустили свои вѣтчики. Въ полдень дождь прекратился; мы остановились на отдыхъ въ лѣсу, разложили костеръ, пили чай и сушились. На кого мы были похожи, когда вылѣзли изъ телѣгъ! Кто бы увидѣвъ тогда наши фигуры съ мокрыми подолами, съ прилипшимъ къ телу одѣяннємъ, могъ сказать, что это отважные мореходцы, которые совершатъ плаванне по такой ретивой рѣкѣ.

Съ полдneвки мы ѣхали, не останавливаясь, на тѣхъ же лошадяхъ до Нарвы; это былъ длинный переѣздъ, трудность котораго увеличивалась тѣмъ еще, что здѣсь приходится переѣзжать черезъ большой перевалъ, такъ что выдохнуть эту часть дороги могли только привычныя таежныя лошади. Тайга тутъ сдѣлалась гуще,

Ночлежные балаганы.

пнть въ занимательности плаванню черезъ Байкалъ. Каждое лѣто въ Красноярскѣ ужъ какая-нибудь компанн да составится для прогулки по Манѣ, а иногда и двѣ и болѣе въ одно лѣто бывають. Изъ Красноярска туристы ѣдутъ сначала по желѣзной дорогѣ до станнн Камарчакъ (третья станнн по направлению къ Иркутску), потомъ ѣдутъ горами 45 или 50 верстъ до деревушки Нарвы на Манѣ; здѣсь проводникъ, болѣею частью крестьяннинъ изъ подгородной деревни Базаихи, долженъ сплотить саликъ изъ семи или восьми бревнышекъ, связанныхъ талиной; на этомъ саликѣ компанн плыветъ внизъ по Манѣ и потомъ по Енисею до Красноярска приблизительно около 500 верстъ. Раньше это путешествіе было менѣе удобно; пространство отъ Камарчака до береговъ Маны приходилось совершать верхомъ на лошадяхъ, теперь тутъ проложили телѣжную дорогу и тамъ, гдѣ не было ни одной души, была пустыня, теперь появились переселенческіе поселки.

Этимъ лѣтомъ мнѣ удалось увидѣть и Байкалъ и Ману; только я вернулась изъ поѣздки на Байкалъ, по которому я на пароходѣ проплыла отъ Баранчиковъ до Култука, какъ мнѣ предложили совершить турнѣ въ большой компанн на Ману. Компаннн составила изъ десяти человекъ; въ ней было восемь дамъ и двое мужчинъ, изъ которыхъ одинъ былъ опытный крестьяннинъ изъ деревни Базаихи, съ дѣтства

день мы не поѣхали изъ села Шало далѣе, потому, во-первыхъ, что дождь не переставалъ лить, какъ изъ ведра, а во-вторыхъ, крестьянскія лошади все были на покосѣ. Въ селѣ насъ прннн въ обратномъ старожильскомъ домѣ. Не только полы были чисто вымыты или вытерты водой съ пескомъ, но даже и стѣны; и не только въ горницѣ, но даже и въ сннхъ.

Когда вы, провинціалъ или провинціалка, въ первый разъ попали въ Петербургъ, навѣрно около васъ нашелся петербуржець, который сторалъ желаннємъ провозать васъ въ то время, когда вы пойдете осматривать городъ; сопутствуя вамъ, онъ водилъ васъ отъ одной достопрнмѣчательности къ другой и таилъ отъ удовольствн, когда замѣчалъ, какъ вы, провинціальный ротозѣй, дѣлали большіе глаза передъ рѣшеткой Лѣтнаго сада или предъ темной массой Исаакн. Теперь пировали мы: эти дочиста промытыя стѣны просторныхъ снней, это обиліе горшковъ съ цвѣтами на окнахъ было для нашихъ столичныхъ товаровъ неожиданностью; они въ изумленн говорили: „Крестьянскій домъ и столько цвѣтовъ!“ а наше сердце ликовало и мы спрашивали ихъ: „Не правда ли, это крестьянское жилище, уставленное декоративными растениями, стоитъ вашей рѣшетки Лѣтнаго сада?“

На другой день рано утромъ мы выѣхали на трехъ телѣгахъ далѣе. Пришлось ѣхать не по

жѣстность гористѣ; много попадаетъ горныхъ рѣчекъ, которая приходится пересѣкать. Въ сухую погоду этотъ перевалъ не былъ бы труденъ, но послѣ дождей въ грязь онъ сильно утомялъ нашихъ животныхъ. Спускаясь съ перевала, уже на Манской его покати, мы проѣхали черезъ поселокъ новоселовъ, расположенный на рѣчкѣ Лейбѣ; населенн поселка смѣшанное изъ малороссовъ и латышей. Домики новоселовъ были выстроены въ густомъ лѣсу; промежутки между домами еще были не расчищены и каждый домъ былъ окруженъ лѣсомъ. Мы замѣтили у новоселовъ плуги и усовершенствованные ульи; поразительный контрастъ представляли эти знаки высокой культуры съ первобытной трупобой, въ которой затерлся поселокъ. Жители поселка почему-то отнеслись къ намъ не прнѣтливо, даже никто не захотѣлъ намъ разсказать о дорогѣ, куда намъ ѣхать. Мѣсто здѣсь очень живописное; рѣчка Лейба течетъ въ долину, окруженной отовсюду горами; впоследствии это будетъ одна изъ красивѣйшихъ деревень.

Продолжая спускаться къ Манѣ, часовъ около 5 вечера мы прѣехали въ дер. Нарву, которая состоитъ изъ нѣсколькихъ убогихъ избъ*). Жители этой деревни до сей поры не

*) Нарва единственная деревня, стоящая на берегу Маны, по крайней мѣрѣ въ ея нижнемъ теченн.

приписаны къ этому мѣсту; просьба ихъ объ этомъ до сей поры не получила удовлетворенія, они не знаютъ, оставятъ ли ихъ на этомъ мѣстѣ, а потому и не обзаводятся полнымъ хозяйствомъ. Только одна здѣсь хорошая изба у лѣсообъѣдчика, въ которой мы и остановились. Деревня стоитъ на самомъ берегу р. Маны. Здѣсь мы переночевали, потому что всѣмъ захотѣлось отдохнуть послѣ утомительной дороги черезъ грязный перевалъ. Въ Нарвѣ проводникъ обыкновенно обязанъ построить саликъ для дальнѣйшаго путешествія и это задерживаетъ компанію на нѣсколько часовъ, но мы избѣгли задержки; нашелся готовый саликъ, который и былъ купленъ нашимъ проводникомъ.

На другой день погода была хорошая; часовъ около 8 утра мы сѣли на саликъ и отчалили; течение у Маны swift и саликъ стрѣлой понесся внизъ.

Нашъ саликъ состоялъ изъ восьми бревнышекъ; длиной онъ былъ семь аршинъ, шириной аршина три. Мы развѣстались на немъ такъ: въ заднемъ концѣ салика у руля стоялъ проводникъ; передъ нимъ на саликѣ была насыпана земля; это очагъ; тутъ мы разводили огонь и варили чай во время плаванія. Другой мужчина стоялъ у руля въ переднемъ концѣ

ствомъ восьми плывущихъ бревенъ; на саликѣ мы и чай пили, и въ карты играли и гадали; спорили, пѣли пѣсни и даже, не сходя на берегъ, плясали. Иногда забавлялись эхомъ; мѣстами берега были такъ акустически расположены, что куплетъ проштой пѣсни въ горахъ повторялся до трехъ разъ.

Наше общество приходило въ удивленіе отъ полноты органической жизни на рѣкѣ. Горы, сопровождающія рѣку, покрыты густымъ лѣсомъ. Трава такая высокая, что у человѣка, идущаго въ травѣ, не видно голову. Всякой дичи здѣсь множество; рѣка кипитъ отъ утокъ и утятъ. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли, какъ на берегъ выбѣжала дикая коза и сейчасъ же скрылась въ тайгѣ. На Манѣ обыкновенно охотятся крестьяне изъ дер. Базанхи и вывозятъ большую добычу; они убиваютъ мараловъ и козъ, а иногда и медвѣдей. Много на Манѣ ягодъ и орѣховъ. Жители Базанхи смотрятъ на Ману, какъ на свою рѣку; и дѣйствительно у многихъ значительная часть жизни проходитъ на этой рѣкѣ. Мана вырабатываетъ изъ нихъ превосходныхъ пловцовъ, которые на жидкой стихіи ведутъ себя такъ же безопасно, какъ мы на сушѣ. Мы имѣли случай сами убедиться въ ихъ ловкости. Однажды нашъ проводникъ увидѣлъ свободно плывущее

почему это. Можетъ быть причина этого не въ природѣ края, а въ способѣ передвиженія. По Байкалу отъ Баранчиковъ до Култука я проѣхала на пароходѣ; пароходъ идетъ вдали отъ берега; картина, которую вы видите, однообразна; по одну сторону парохода тянутся прибрежные утесы, какъ стѣна, по другую вода. Берегъ Байкала не расчлененъ, нѣтъ глубокихъ заливовъ, всѣ мысы вдаются въ воду на одинаковое разстояніе, и разница между ними едва замѣтна тѣмъ болѣе, что съ дальняго разстоянія мало видно деталей.

На Манѣ иначе. То вы плывете лицомъ на югъ, то на сѣверъ, то на западъ, то на востокъ; картина то освѣщается съ боку, то спереди, то сзади. Каждое плесо представляетъ новую комбинацію береговъ и скалъ; въ одномъ мѣстѣ плесо короткое и саликъ плыветъ въ замкнутомъ кругу береговъ, въ другомъ — плесо длинное и даль отодвигается. Саликъ не только останавливался на ночь у берега, но и въ теченіи дня причаливалъ къ берегу по нѣскольку разъ. Мы выходили на берегъ, ходили въ дѣтъ, взирались на скалы; поэтому о Манѣ у меня остались болѣе детальныя и болѣе сложныя воспоминанія. На нашей памяти не только отпечатлѣвались индивидуальныя черты какой-нибудь красивой

Саликъ съ красноярцами.

салика. Шесть дѣвницъ сидѣли на среднѣмъ салика въ два ряда, по три въ ряду, лицомъ къ носу салика, спиной къ коряж; для одного пассажира мѣсто было отведено около передняго рулеваго. Все было въ порядкѣ, какъ будто на пароходѣ; тутъ у насъ былъ и третій классъ, и второй, и первый. Одна дама сидѣла въ самомъ задѣ, около задняго рулеваго; эта благополучно ѣхала въ четвертомъ классѣ.

Мы плыли до вечера внизъ по красивой Манѣ. Картины, развертывавшіяся передъ нами одна вслѣдъ за другой, заставили насъ забыть вчерашнія невзгоды, все мокро и грязь, которая вчера насъ угнетала. Рѣка дѣлаетъ чудивые изгибы и пейзажъ безпрестанно мѣняется. Въ 7 час. вечера мы остановились на ночлегъ на пустынномъ берегу. Присидѣвъ на саликѣ около одиннадцати часовъ, мы сильно соскучились о землѣ и обрадовались остановкѣ. Станъ свой мы устроили подъ скалой; тутъ разложили огонь и стали варить кашу. Всѣхъ охватило веселье; пѣли пѣсни, танцовали подъ пѣвни. Наступила очень холодная ночь; компанія расположилась ночевать около костра; кто прикрылся пальто, кое у кого было одѣяло, а кто, за неимѣніемъ теплаго платья, спрятался подъ брезентомъ.

На другой день мы продолжали плыть такъ же порядкомъ, т. е. провели еще день такой же своеобразной жизни, ограниченной простран-

по рѣкѣ бревно и вздужалъ приплотить его къ нашему саликъ; онъ бросился въ легкую лодочку, которую онъ плавилъ при саликѣ на всякій случай и, стоя въ ней на ногахъ, пустился за бревномъ; приблизившись къ нему вплотную, онъ перенесъ одну ногу на бревно, и стоя одной ногой въ лодкѣ, другой на бревнѣ, пустился догонять насъ, работою своихъ ногъ давая направление и лодкѣ, и бревну, какъ будто бѣжалъ на лыжахъ. Только дѣтство, проведенное на быстрой рѣкѣ, можетъ выработать такую эквилибристику ногъ.

Такъ мы плыли второй день по Манѣ, любяся видами; иногда мы приставали къ берегу, чтобы купить у рыбаковъ рыбы или просто отдохнуть и побродить въ лѣсу, чтобы расправить члены.

Вторую ночь ночевали около высокой горы, которую зовутъ Стѣной. Эта гора замѣчательна тѣмъ, что и воалъ той подошвы, гдѣ мы ночевали, и у подошвы на противоположной ей стороны протекаетъ Мана; рѣка, подбившись къ горѣ, дѣлаетъ большую дугу, и потомъ снова приближается къ Стѣнѣ. Подъ подошвой горы находится пригорокъ; хотя мы расположились на этомъ пригоркѣ, но и здѣсь насъ сильно ѣли комары и мошки, отъ которыхъ мы едва спасались подъ сѣтками.

Поѣздка по Манѣ мнѣ болѣе понравилась, чѣмъ прогулка по Байкалу. Я не умѣю опредѣлить,

ели, но въ составѣ пейзажа, бывшаго предъ нашими глазами, входили и травы съ ихъ цвѣтами. Кромѣ того, какъ ни бѣгло было наше знакомство съ природой на Манѣ, но и оно, усиленное еще разказами жителей, вызвало въ насъ представленіе о ея богатствѣ.

Слѣдующую третью ночь мы не рѣшились провести на открытомъ воздухѣ, испугавшись собравшихся дождевыхъ тучъ и остановились у берега, гдѣ жилъ одинъ лѣсообъѣдчикъ. Тутъ было нѣсколько избъ; наше общество раздѣлилось на двѣ партіи; одна, къ которой присоединилась я съ женой, ночевала на балконѣ или, какъ называла его хозяйка, на „терасикѣ“, остальные ушли ночевать въ другую избу. На другой день мы всѣ опять собрались въ избѣ у обѣдника. Эта чудная изба и гостеприимные ея хозяева, въ особенности говорокъ-хозяйка, заставили меня вспомнить стихи Оммулевскаго:

И пойдутъ по сибирски привѣты

Да поклонь, да съ солью отвѣты...

Мы никакъ не ожидали, что нашъ пріѣздъ составитъ радостное событіе въ жизни этихъ отшельниковъ на Манѣ. Особенно искренно радовалась хозяйка, что въ ея домѣ наѣхало сразу такъ много барышень, и все такія молодая, такія красивыя. Она изъ всѣхъ силъ старалась, чтобы мы унесли объ ней и объ ея домѣ самыя хорошія воспоминанія. На другое утро, чтобы накормить насъ, она напекла цѣлую гору бли-

новъ къ чаю на всю нашу компанію, и не захотѣла ничего за это взять. Сколько мы ни упрасивали ее, она твердила одно, что она довольна уже тѣмъ, что видѣла такую компанію. Мы платимъ же за входъ въ театръ или въ другія мѣста общественныхъ собраний. Можетъ быть послѣ нашей компаніи, въ составѣ которой были и остроумныя персоны, она чувствовала, какъ будто побывала въ оперѣ. Сколько, можетъ быть, новаго внесла наша шумливая компанія въ жизнь этой манской общины, знающей только огородъ, стайку и печь? Сколько новыхъ выраженій, интонацій, жестовъ, а можетъ быть и идей?

Слѣдующую ночевку мы имѣли на становищѣ базайхинскихъ косцовъ. Только саликъ присталъ къ берегу, раздался выстрѣлъ. Потомъ мы узнали, что это мальчишка-косецъ убили медвѣдя и побѣжали догонять другого. Вечеромъ около общаго костра расположились двѣ компаніи; мы сидѣли по одну сторону костра, косцы по другую. Все время косцы вели разговоръ объ охотѣ, о козахъ, маралахъ и медвѣдяхъ. Въ этотъ день и наша компанія наткнулась на медвѣдицу. Въ одномъ мѣстѣ саликъ присталъ къ берегу и компанія вышла погулять въ лѣсу; нѣкоторые изъ

яне не прогнали по Манѣ лѣсъ, не оплаченный попенными, а также чтобъ не провозили запретной дичи. Чтобы оставить кордонную стражу съ носомъ, нашъ саликъ долженъ былъ причалить къ берегу, не добывая до кордона и переждать до полночи, и только въ полночь двинуться. Такимъ образомъ наше путешествіе по Манѣ должно было превратиться въ приключеніе, не лишнее опасности, потому что кордонные стражники имѣютъ право, не получивъ отвѣта на окликъ, стрѣлять.

Причаливъ къ берегу, наши новые товарищи не развели огонь, чтобъ остаться не примѣченными. Съ этого момента я и мама начинаемъ чувствовать, какъ мы постепенно превращаемся въ контрабандистовъ или въ злоумышленниковъ. Охотники хотѣли воспользоваться остановкой, чтобъ освѣжевать свою дичь; чтобы очистить имъ мѣсто на саликѣ, мы съ мамой должны были сойти съ салика на берегъ. Такъ какъ пошелъ дождь, то они устроили намъ нѣкоторое убѣжище на берегу; воткнули около скалы нѣсколько кольевъ, сдѣлали крышу изъ корья и подъ этой крышей мы должны были мокрая стоять нѣсколько часовъ въ ожиданіи, пока они кончатъ уборку

ничто не стукнетъ. Тихо только журчала вода около задняго руля. Мы невольно подчинились тому-же обязательству и сидѣли молча и почти не двигаясь. Это принудительное молчаніе ежеминутно заставляло насъ чувствовать нелегальность нашего существованія. Мнѣ ужасно хотѣлось спать; пережитые часы, долгое стоянье на ногахъ подъ балаганомъ, напряженное молчаніе, таинственная ночь, мучительное сомнѣніе, можно ли благодушно относиться къ тому, что принимаешь участіе въ этомъ таинственномъ происшествіи, все это сильно утомило меня; мнѣ хотѣлось поскорѣе бы тепла, покоя и забытья. Я часто задремывала; мама боялась, чтобъ я не скатилась въ воду, держала все время меня за руку и безпрестанно говорила: „не спи!“

Показался впереди огонь; это кордонная стража развела на берегу костеръ. Плыли тихо, а теперь, показалось, еще больше притаились. Огонь началъ оставаться сзади. Наконецъ саликъ вышелъ изъ Маны въ Енисей. Кто-то весело крикнулъ: „Разводи, ребята, огонь! Давайте варить чай!“ Вѣсъ зашевелился, начался громкій разговоръ. Оковы спали и мы опять почувствовали себя подъ покровительствомъ законовъ.

Рѣка Мана.

компаніи отправились осмотрѣть скалу, которая была видна съ берега, и возвращаясь, сначала увидѣли медвѣжью слѣды, а потомъ, когда проходили въ высокой травѣ, услышали ворчанье; это была медвѣдица съ медвѣжатами; изъ-за густой травы ее не было видно. Потомъ проводникъ ходилъ за ней съ ружьемъ и стрѣлялъ, но медвѣдица ушла въ горы съ своими дѣтьми.

У косцовъ на мѣстѣ нашей остановки была избушка; они сами ночевали въ избушкѣ, часть нашей компаніи устроилась на крышѣ, а я съ мамой подъ крышей, которая была дырявая; косцы, выставляя преимущества выбраннаго нами мѣста, шутили: „ну, все таки не всяка капля на вѣсъ попадетъ“.

Послѣ этого ночлега мы съ мамой отделились отъ остальной компаніи. Намъ надо было спѣшить въ городъ, тогда какъ другіе наши товарищи хотѣли еще нѣкоторое время пробывать на Манѣ. Мы пересѣли на другой саликъ, на которомъ три базайхинскихъ крестьянина плавали по Манѣ убитыхъ трехъ мараловъ и одну козу. До Красноярска оставалось уже не далеко, такъ что если бы мы плыли дальѣе безъ остановки, мы къ вечеру были бы въ Базайхѣ, но одно обстоятельство мѣшало намъ новымъ аргонавтамъ плыть безостановочно. Охота на мараловъ запрещена; при впадѣніи Маны въ Енисей поставленъ кордонъ, который долженъ слѣдить, чтобъ крестьян

своей дичи. Ночь была пасмурная, ни луны, ни звѣздъ; наши охотники, точно ночные животные, въ темнотѣ исполняли свою сложную работу, соблюдая при этомъ глубокую тишину. Хотя балаганъ, въ которомъ мы стояли, былъ въ двухъ шагахъ отъ берега, мы не могли различить человѣческихъ фигуръ; видѣли только, что на саликѣ что-то шевелится. Молча они снимали вѣсъ трехъ мараловъ и козу, разрубили мясо на части, сложили его на двѣ лодки, прикрыли шкурами и корьемъ, потомъ отплыли отъ салика два бревна и приплотили ихъ къ лодкѣ, по бревну къ каждому борту, и снова связали развязанный саликъ. И все это они исполнили въ такой темнотѣ, какой не бываетъ и въ фотографическомъ кабинетѣ. Конечно они продѣлывали эту работу не въ первый разъ, они имѣли уже хорошей навыкъ вязать и рѣзать въ темнотѣ. Когда все было готово, мы снова помѣстились на саликѣ. Такъ какъ два бревна было отъ него отвязано, въ немъ осталось только пять бревенъ; онъ сталъ уже, и сидѣть на немъ стало не такъ спокойно. Боязно было заснуть, того гляди съ просонковъ скатиться въ воду.

Саликъ откололся отъ берега и поплылъ по Манѣ. До кордона оставалось девять верстъ. Былъ сдѣланъ уговоръ, чтобы никто не нарушалъ тишину; на саликѣ не было ни разговоровъ, ни одного лишняго движенія; вода не плеснетъ,

Пока мы плыли по Енисею (отъ устья Маны до Красноярска 20 вер.), разсвѣтало. Когда мы увидѣли себя среди этой широкой рѣки, намъ показалось, будто нашъ саликъ сдѣлался меньше, чѣмъ онъ былъ на Манѣ.

Въ три часа утра мы были въ Базайхѣ.

На другой день одинъ изъ кордонныхъ стражниковъ, встрѣтивъ одного изъ базайхинскихъ крестьянъ, остановилъ его вопросомъ, не слышалъ ли онъ объ охотникахъ съ Маны. „Мы ихъ ловимъ!“

— Они въ городѣ на базарѣ справляютъ о твоёмъ здоровьи, отвѣчалъ житель Базайхи. Тебѣ кланяются!

Повѣдка черезъ Байкалъ поучительна для ума; повѣдка же по Манѣ оставляетъ слѣды на характерѣ.

Одинъ изъ приложенныхъ къ статьѣ рисунковъ даетъ понятіе о саликахъ, на которыхъ совершаются поѣздки по Манѣ; рисунокъ изображаетъ не нашу компанію, а другую, тоже изъ красноярцевъ, которая проѣхалась по Манѣ въ одно изъ предыдущихъ лѣтъ. По другому рисунку читатель можетъ судить о балаганахъ на прилахѣхъ. Третій изображаетъ утесъ на Манѣ.

Л. А. Летинская.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.